

Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка¹

Бессонова О. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

В этой книге Ольга Бессонова размышляет об институциональной специфике «раздатка» и о формах его проявления в российской истории. Теневая экономика как отдельный предмет анализа у Бессоновой отсутствует. Но ее идеи представляются крайне важными для понимания сущности теневой экономики, ее функциональной специфики на разных фазах раздаточного цикла. Теневая экономика не просто сопровождает экономический порядок, координируемый институтами раздатка, но варьирует свой масштаб, формы проявления и выполняемые функции в зависимости от того, на какой фазе находится раздаток.

Лирическое отступление

Было время, когда писать научные тексты было опасно: существовали инквизиция, полиция, цензура. Но времена изменились. Создание научного текста стало приятной формой необременительного получения зарплаты. И мужество ученого состоит в том, чтобы не писать, когда в этом нет необходимости. Замолчать, когда нечего сказать. Честная немота — почти роскошь в обществе, где слова становятся главной формой подтверждения своего присутствия в науке. Ольга Бессонова в этом смысле — мужественный автор, не участвующий в бессмысленном приумножении текста. Этому автору есть что сказать.

Все годы Бессонова пишет о раздаточной экономике России. Она принципиально и глубоко немобильна: не меняет тему, не переходит

¹ Впервые статья была опубликована в журнале «Вопросы экономики», 2012, № 12.

на английский язык, не уезжает из Сибири, не становится начальником. Ей не до того. Просто некогда человеку. Она пишет новую книгу.

Раздаточная экономика: суть идеи

Главная идея Бессоновой состоит в том, что в России еще в IX-X вв. сложился институциональный порядок особого типа, так называемый *раздаток*. Этот порядок лежит в основе институциональной матрицы России. Его суть составляют отношения власти и хозяйствующих субъектов, при которых служение центру является главной формой доступа к ресурсам. Наверх, к центру направлены потоки «сдач» результатов экономической деятельности, и каждый этаж иерархии знает свою норму и форму участия в этом процессе. Вниз спускаются «раздачи» в виде дифференцированного права использовать совокупный результат общенародных сдач. Ресурсный дефицит тем сильнее, чем ниже положение служивых.

Раздаток принципиально иерархичен, и суть правовых норм состоит в установлении правил отношений с центром: размеры и формы сдач-раздач определяют прописанные процедуры. Блага, как и нормы обращения с ними, раздаются «по чину», т.е. за службу, которая в отличие от работы, нацеленной на заработок, всегда имеет идейное содержание как деятельность во имя некоей общезначимой цели. Сдачи-раздачи выступают аналогом купли-продажи как предельные выражения сущности двух базовых институциональных систем.

Рынок и раздаток как альтернативные механизмы координации экономической деятельности (в терминологии автора «локальные цивилизационные матрицы») имеют встроенные механизмы саморегулирования. Рынок балансируют цены, которые периодически не справляются с этой задачей, о чем свидетельствуют кризисы перепроизводства. В экономике раздатка функцию обратной связи берут на себя жалобы, сигнализирующие власти о накопившихся сбоях в пирамидальных потоках сдач-раздач, о неадекватности системы потребностям населения. Реагирование на жалобы позволяет, по сути, налаживать раздаточную систему.

Однако репертуар властного реагирования на жалобы может быть недостаточным для снятия проблем, накопившихся в системе. Конкретно-историческая форма институтов сдач и раздач рано или поздно приходит в противоречие с материально-техническими условиями страны и потребностями населения. И тогда неизбежны ре

формы, бескровные или чудовищно кровавые, в ходе которых конфигурируются новые каналы сдач-раздач, переопределяются их формы и объемы. Система обновляется, что аналогично очищающей силе кризиса в системе рынка. Переживший кризис раздаток существенно меняет свою институциональную форму, но сохраняет содержание базовых принципов — общественно-служебный труд в обмен на долю в ходе раздач, тотальное участие населения в сдачах, жалобы как канал обратной связи и индикатор сбалансированности системы.

По мнению Бессоновой, российская история представляет собой последовательное прохождение трех циклов: общинный, помещный и административный раздатки. Каждый цикл включает четыре фазы: перинатальную, структурированную, фазу институционального исчерпания и фазу институциональных трансформаций. Последняя фаза цикла становится фактически переходным периодом к новой конкретно-исторической форме раздатка.

Как уже отмечалось, Бессонова не фокусирует внимания на теневой экономике. Но созданная ею схема цикличности раздатка и выделяемых фаз позволяет увидеть в новом свете причины и функции теневой экономики.

Переходный период, или Фаза институциональных трансформаций

В переходный период разрушаются привычные формы раздатка, их смысляет волна рынка. (Разумеется, и рынок, и раздаток существуют в разных циклах в специфических, конкретно-исторических формах.) В этот период уход в тень всех сфер жизни достигает пиковых отметок. На бытовом языке это означает, что «жизнь идет вразнос». Вишневые сады рубят в прямом и переносном смысле, а «новые русские» разных эпох на соответствующем времени диалекте каждый раз изумляются: «Думал ли я, что все это будем моим?»².

Раздаточные институты к этому моменту уже не соответствуют условиям среды и потребностям людей и становятся функционально беспомощными, что приводит к массовым заимствованиям рыночных институтов, которым присваивается статус панацеи. Если в фазе институционального кризиса власть пребывает в уверенности, что

² Вот как изумлялся и восторгался чеховский Лопухин: «Вишневый сад теперь мой! Мой! Боже мой, господи, вишневый сад мой!».

отступление в зону рынка может быть контролируемым и дозируемым, то в переходный период эта уверенность оказывается очевидной иллюзией. Разреженная институциональная среда с огромной скоростью заполняется рыночными нормами и правилами, преимущественно неформальными, поскольку любой формальный институт держится на принуждении со стороны государства. Если государство теряет эту способность, что свойственно любому переходному периоду, то координация взаимодействия рыночных контрагентов переходит на неформальный уровень. Это приводит к резкому сужению «радиусов доверия» и попыткам или расширить их с помощью бандитов как гарантов сделки, или строить бизнес на репутационных рисках в рамках сетей («честное купеческое слово», «пацан сказал — пацан сделал» как формулы чести разных эпох).

Прежний корпус формальных институтов, воплощающих идею раздатка, спешно списывается в архив, и в сжатые сроки рождаются законы, ориентированные на рынок. Темп преобразований очень важен для реформаторов, уверяющих, что «по минному полю лучше бежать, чем ползти». Но каким бы поспешным ни было нормотворчество, оно решительно не поспевает за скоростью многообразных и масштабных рыночных новаций, порождаемых творчеством масс. Теневые схемы становятся главным показателем наличия законодательных «дыр», и их «штопка» составляет основной вектор законотворческой деятельности в переходный период. Новые законы создаются в режиме реакции на теневое использование ранее существовавших.

Формально предписанный алгоритм хозяйствования и предлагаемые государством способы разрешения хозяйственных коллизий разбиваются на два слабо связанных между собой архипелага норм: архаичные, тяготеющие к раздаточным принципам, и новаторские, рыночно ориентированные. В России 1990-х годов советские законы причудливо сочетались с рыночными институтами. В сосуществовании двух правовых регистров разной природы сокрыты возможности и стимулы ухода экономики переходного периода в тень. Например, вплоть до 2002 г. рынок шел рука об руку с советским Кодексом законов о труде (КЗоТ). И хотя обязательность трудовых споров была аннулирована (отмена статьи за тунеядство, поддержка безработных), сохраняющаяся архаичность трудового права означала асимметрию взаимной ответственности работника и работодателя. Принятие нового Трудового кодекса не исправило ситуацию. Лавируя между альтернативными законопроектами, складывая их фрагменты, законодатели

так запутались, что приняли «рыночный» документ, подчинение которому стало для работодателей более расточительно, чем советскому КЗоТу³. В результате работодатели постарались минимизировать ответственность перед работниками, скрывая отношения найма, переходя на неформальный найм, на «зарплаты в конвертах».

Существование двух правовых регистров, воплощающих наследие раздатка и проект рынка, принципиально важно. В целом раздаточная экономика провоцирует индивида минимизировать поток сдач и максимизировать получаемые в ходе раздач блага. Но институт жалоб стоит на страже таких перекосов. Контроль за балансом сдач- раздач строится на законодательстве, воплощающем идею раздатка, а его легитимность восходит к национальной идее, приспособленной к особенностям эпохи, но всегда подчеркивающей идею служения общему благу («за царя и отечество», «к победе коммунизма»). Когда на смену внутренне согласованным законам, адекватным единому хозяйственному принципу, приходит взвесь альтернативных хозяйственных логик и легитимирующих их лозунгов, игра на «ножницах» между сдачами-раздачами становится безрисковой, весьма прибыльной и едва ли осуждаемой.

Практически вся экономика становится теневой, поскольку строится на разнообразных схемах вывода в рыночное пространство благ и услуг, которые остались в застопорившихся потоках сдач-раздач. В этом состоит ключевой момент роста теневой экономики в переходный период: *уже* можно быть предпринимателем, т.е. действовать в рыночной логике и не участвовать в сдачах, но *еще* работают каналы раздач, дозирующих доступ к материальным, трудовым и финансовым ресурсам общества. Частная собственность сосуществует с общественно-служебной и пытается извлечь из этого максимальную выгоду. Население изобретает способы участия в раздачах, будучи не обремененным обязательствами сдач. Бизнес следует той же логике.

Предвижу вопрос: что значит уход от сдач? Разве обязанность платить налоги в рыночной экономике не есть вариант сдач? Это момент принципиальный. Налоги не являются сдачами, поскольку их платят с результатов деятельности, а величина сдач зависит от объема «розданных» ресурсов (материальных, трудовых, финансовых). Другими

³ Кудюкин П., Малева Т, Мисихина С, Сурков С. Сколько стоит Трудовой кодекс? М.: Московский центр Карнеги, 2001.

словами, *налоги исчисляются, а сдачи назначаются*. Налоги можно не платить, если деятельность не ведется, а избежать сдач можно, лишь отказавшись от раздачи. В рыночной экономике налоги платятся исходя из деятельности, а в раздаточной экономике деятельность ведется ради уплаты назначенных сдач. Игра вокруг «оптимизации налогообложения» или имитация бесприбыльной деятельности естественна для рыночного агента и ограничивается лишь принудительными действиями государства, изобличающего фальшь в этой игре. Поскольку в переходный период государство не способно к таким действиям, то уход от налогов становится визитной карточкой теневой экономики переходного периода.

Механизмами институционального обновления в переходные периоды являются приватизация и различные формы деколлективизации. Историческая форма этих процессов, разумеется, различается. Второй цикл, исчерпав силы раздатка, завершился отменой крепостного права и разрешением крестьянам выкупать земли, а также передачей помещичьих земель в наследуемую частную собственность. Третий цикл завершился приватизацией с использованием ваучеров, формально уравнивающих доступ всех граждан к владению бывшей общенародной собственностью. Но «ваучерная» по форме приватизация была «номенклатурной» по содержанию. Номенклатурная приватизация есть не что иное, как перевод общественной собственности, полученной в ходе раздач, в режим частной собственности с соответствующим освобождением от сдач. Руководители предприятий («красные директора») и чиновники изменили свой статус с условных владельцев на частных собственников. Конечно, все происходило в строгом соответствии с законом, но формальная приватизация была лишь способом легализовать результат теневого передела собственности. Так, выкуп предприятия проходил как легальная процедура, однако цена сделки, как правило, значительно уменьшалась вследствие предварительного вывода активов предприятия на балансы различных фирм, аффилированных с руководством предприятия.

Тот факт, что начальная цена торгов или величина уставного капитала приватизируемого предприятия определялась по остаточной балансовой стоимости, а мотивация приобретения восходила исключительно к предполагаемой доходности объекта, красноречиво свидетельствует о наложении двух логик — рыночной и раздаточной. Участники рынка ориентировались на прибыль как рыночную

категорию, но приобретали по цене, не имеющей рыночного смысла, являющейся исключительно расчетной величиной раздачи, от которой в прежней системе начислялись плановые задания, т.е. обязательства сдач. Можно возразить, что балансовая стоимость была лишь начальной точкой торгов, что и говорили реформаторы. Но напомним, что закон позволял приватизировать предприятия путем передачи контрольного пакета акций трудовому коллективу по остаточной балансовой стоимости, т.е. без рыночной коррекции цены (так называемый «второй вариант»). А дальше делом техники была концентрация акций в руках руководства: предприятие уводили в тень, в результате чего официальные дивиденды стремились к нулю, что весьма эффективно стимулировало миноритариев расставаться с акциями. Теневизация бизнеса являлась не просто способом обогащения через неуплату налогов, но служила стратегической цели концентрации собственности.

В этот период растет коррупция представителей власти. Дело не в их индивидуальной алчности — это системная характеристика раздатка, вступающего в фазу рынка. Принципом раздаточной экономики являются «дачи по чину» (недаром слово «мужчина» в русском языке состоит из «мужа» и «чина»). Коррупция стала рыночным воплощением раздаточной логики. Приватизация прежде «розданного» формально освобождала от последующих сдач, но де-факто сдачи сохранились, только адресатом стали не абстрактные «закрома Родины», а вполне конкретные чиновники, от чьих решений зависели доступ к приватизации и возможности бизнеса. Теперь чиновники раздавали, а им сдавали. Взятка — это сдача в переходном периоде, проекция раздаточной логики на рыночную плоскость. В отличие от налогов взятки зависят не от результатов деятельности, а от объема получаемых благ, важности решаемого вопроса, иными словами, являются своеобразными податями (т.е. «по-дати») раздаточной экономики, вступившей в рыночную фазу. Взятки — форма оплаты услуг властных структур, партнерство с которыми является доминирующей формой успешного бизнеса в раздаточной экономике. «Коррупция в высших органах власти является производной от раздачи государственной собственности за цену, не соответствующую реальной ее стоимости, путем “назначения” собственников. Фактически был введен механизм общего совладения бывшей государственной собственностью чиновников и предпринимателей. Отсюда непрерывный поток денег от олигархов к управленцам высшего уровня,

воспринимаемый обществом как “взятки” и “откаты” а на самом деле, представляющий собой передачу дивидендов от совместного владения бывшей государственной собственностью»⁴.

В разрастании теневой экономики немалую роль сыграл идеологический отказ от идеи служебного труда в пользу индивидуализма. Раздаточная экономика придает труду статус служения общему благу, некоей идее. Все варианты национальной идеи в России так или иначе подчеркивали надиндивидуальную цель трудовой деятельности (слава отечества, счастье будущих поколений и т.д.). Приватизация собственности сопровождалась приватизацией мироощущения, что снимало нравственные ограничения на занятие теневой деятельностью.

Таким образом, переходный период является единственной фазой раздаточного цикла, когда рыночный обмен и частная собственность становятся не компенсаторными, а базовыми институтами экономики. Но их функционирование в этот период характеризуется высокой долей теневого сектора в силу ряда причин: слабость государства, противоречивость законодательства, отсутствие морально-этических ограничений. Но самое главное — теневая экономика переходного периода есть порождение симбиотического сращивания доминирующих рыночных институтов и сохранившихся раздаточных логик, при котором раздаются собственность и возможность заниматься бизнесом, а собираются взятки и долевое участие «чина» в рыночных проектах. Теневая экономика в этих условиях является «тенью раздатка».

Возрождение раздатка, или Перинатальная фаза цикла

Постепенно раздаточная логика возвращает свои позиции. В разные исторические эпохи это происходило посредством либо плавно вводимых ограничений, либо резких революционных запретов на рыночный обмен и частную собственность. Суть этой фазы состоит в восстановлении институтов сдач-раздач, возвращении регулятивной роли жалоб и общественно-служебного характера труда. В российской истории рыночные рывки, следуя логике «догнать и

⁴ Бессонова О. Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8.

перегнать», успешны были лишь в первой части. «Догоняли» методом заимствований у рыночного Запада, что было нетрудно на фоне кризиса раздатка. А вот с «перегнать» случались регулярные проблемы, потому что обогнать посредством заимствований невозможно, необходимо собственное институциональное творчество. И это «творчество» каждый раз возвращало страну на орбиту раздатка.

Национализация и коллективизация выступают механизмами реализации этого процесса. Государство «забирает» частную собственность, делая ее источником общественных раздач. Если большевики после Октябрьской революции сделали это открыто и быстро, то русские цари придерживались тактики ползучей национализации. Современная Россия в этом смысле, безусловно, практикует методы царизма.

Возрождение раздатка происходит при активной поддержке населения, ратующего за «наведение порядка». Легитимация смены экономической политики сводится к разочарованию в рынке. Дескать, рынок не оправдал надежд. Но дело обстоит с точностью до наоборот. Рынок полностью оправдывает надежды, возложенные на него логикой раздаточной экономики, расчищая поле для новой формы раздатка. Раздаток питает единственную надежду по отношению к рынку — надежду на институциональное обновление.

Но рыночные агенты не знакомы с теорией Бессоновой и поэтому не понимают тупиковость своего сопротивления. Они продолжают следовать рыночной логике, видя в государстве лишь арбитра споров, возникающих в горизонтальных сетях. А конфигурация экономики де-факто становится все более вертикально-иерархичной, что приводит к трагическим последствиям для многих ударников рыночного труда. Рыночные формы деятельности могут сохраняться, но их содержание постепенно трансформируется в пользу раздаточных принципов координации.

На этой фазе институты раздатка начинают реанимироваться, но не как возрождение прежних исторических форм, а в виде новых правил, преимущественно неформальных, что не означает необязательности их исполнения. Возникает зазор между де-юре и де-факто: по «букве закона» — можно, а «по духу времени» — лучше воздержаться. Не следует делать что-то из формально разрешенного, и, наоборот, обязательной для исполнения становится практика, не предписанная формально. Например, пожертвования в различные фонды, учрежденные властью, становятся обязательными для бизнеса, хотя формально

остаются добровольными. Фактически это варианты сдач в распоряжение общества части созданного продукта. Размер благотворительных взносов не произвольный, хотя и неформальный, а определяемый исходя из размера собственности. Такую ситуацию часто называют двойным налогообложением, что подчеркивает обязательность подобных плат, но микширует принципиально разную сущность этих потоков. Нет двойных налогов, есть налоги и сдачи. Экономические агенты платят налоги с результатов деятельности как субъекты рынка, а также вносят благотворительные сдачи с размера владения как субъекты нарождающегося раздатка.

Теневая экономика в этот период носит характер рынка, защищающегося от раздатка. Защита идет через утаивание. Ответом на национализацию и коллективизацию как универсальные механизмы перинатальной фазы раздаточного цикла становится попытка скрыть активы. Антураж, конечно, зависит от эпохи. Кулаки закапывали мешки с зерном, современные предприниматели уводят деньги в оффшоры. Двойная бухгалтерия и взятки призваны не столько сократить налогооблагаемую базу, сколько снизить привлекательность объекта для национализации. Там же, где обобществление неизбежно, теневая экономика обслуживает торг вокруг условий национализации, т.е. через коррупционные схемы пытается сократить размер назначаемых сдач. Именно сдачи, а не форма собственности, свидетельствуют о процессе национализации, о победе раздатка. Форма собственности является величиной переменной, варьируемой в разных циклах. Община, поместье, социалистическое предприятие очевидно различались формой собственности, но равно были элементами раздаточных экономик с характерным доминированием института сдач-раздач.

Если раздаток внедряется слишком форсировано и рыночные формы упраздняются до исчерпания их функциональной полезности, то они сохраняются в теневом формате. Пример тому — теневая торговля мешочников на заре советской власти. Компенсаторная роль рынка загоняется в теневой формат при попытке построить наиболее «чистую» модель раздатка.

Таким образом, у теневой экономики в перинатальной фазе раздатка есть два основания — функциональная недостроенность раздаточного механизма ввиду его «новорожденности» и попытка защититься от национализации через сокрытие активов и коррупционный торг вокруг размера сдач.

Расцвет раздатка, или Структурированная фаза цикла

Эта фаза — предмет гордости борцов с теневой экономики. Раздаток как способ координации вступает в силу и в наименьшей степени нуждается в рыночной компенсации. Рынку оставляют зоны, где реализация раздаточной логики по какой-то причине затруднительна: велики издержки контроля, незначительны масштабы деятельности. Например, охотники или старатели в советской тайге имели право бить зверя или мыть золото как частные предприниматели. Наладить контроль в тайге было довольно затруднительно. Разумеется, шкурки и золото нужно было сдавать государству по утвержденным ценам, торг был неуместен. Понятно, что свободного ценообразования в этих практиках не было и в помине, но не было и плановых заданий, а также отпускаемых на их выполнение ресурсов. Такую практику можно было считать предпринимательством, но с массой оговорок.

В российской истории все три цикла раздатка в своей высшей точке дозировали, видоизменяли рыночные формы. Например, при Петре I образцы мануфактуры сдавали в особую государственную контору для контроля надлежащего качества, и у бракоделов «бизнес» забирали. Заметим: заводчики не сами разорялись посредством конкуренции, а государство решало, кто достоин быть предпринимателем. Этот пример показывает, как выхолащивается рынок в результате сосуществования с доминирующим раздатком.

Но рынок (как, впрочем, и раздаток) — это целостная логика, комплексный способ координации экономической деятельности, он не может существовать в усеченной форме. Если формальный порядок предполагает такое усечение, то восполнение этой потери неизбежно происходит в теневом формате.

Теневая экономика структурированной фазы раздатка — это рынок, нарушающий границы дозволенного. Так, советские старатели и охотники только часть добытого меха и золота сдавали государству по фиксированным ценам, а остальное реализовывали на «черном» рынке, где цены были существенно выше. Зубные техники, имеющие право частной практики, трансформировали теневое золото в теневое протезирование. Теневые скорняки шили из неучтенного меха шапки, продаваемые на черном рынке по вполне рыночным ценам. Многочисленность подобных практик нельзя списывать на упущение

контролирующих органов или на вынужденное отступление перед лицом дефицита. Теневая экономика являлась формой восстановления целостной логики рынка в условиях, когда легальные формы его существования носили печать раздаточных корректив.

Рынок в структурированной фазе раздатка подобен волку, загнанному на обнесенную красными флажками территорию. Он существует в строго отведенной зоне и под присмотром, порой под прищелом. Если пользоваться этой метафорой, то теневая экономика — это волк, перескакивающий через флажки.

Но таких «волков» в данной фазе цикла мало. Дело в том, что в этот период раздаточная система довольно успешно справляется с задачей координации экономической деятельности. Рынок с его компенсаторной ролью мало востребован. Соответственно не очень масштабна и его теневая составляющая. Теневая экономика блокируется эффективностью раздатка, соответствием его институциональных форм материально-техническим, демографическим, культурным и другим условиям среды. Важную роль играет и идеология. Масштабность дерзаний («окно в Европу», «здесь будет город-сад») отвлекает от мыслей об индивидуальном обогащении посредством теневого предпринимательства.

Упадок раздатка, или Фаза институционального исчерпания

Но постепенно институциональный дизайн раздатка перестает соответствовать особенностям среды и потребностям людей. Формальные институты, какими бы прогрессивными они ни были в момент установления, рано или поздно становятся тормозом для развития. Выход из кризиса для раздатка всегда связан с рынком. Все три цикла раздаточной экономики заканчиваются активным заимствованием опыта западных стран как образцов рынка.

Конечно, система пытается ограничиться умеренной трансформацией, дозированным внедрением рыночного опыта. Ограниченность и рискованность этих нововведений подчеркивают их статус «эксперимента». Например, на излете советской власти как эксперимент был внедрен хозрасчет, наделяющий предприятия некоторой степенью хозяйственной свободы. Но «немного свободные» предприятия не привели страну к экономическому чуду. Перешли к более решительным действиям — разрешили создавать кооперативы, узаконили частную

собственность. В плотине раздатка для снятия напряжения пробивали одну брешь за другой, пока плотину не смыло рыночным потоком.

По мере нарастания кризисных явлений раздаток все более нуждается в рынке. Но признать легальные права рынка означает отказаться от прежней модели развития, приблизить конец системы. Повторимся, не все читали книжки Бессоновой, поэтому не знают, что конец — это только начало, старт нового цикла раздаточной экономики. Отсюда сопротивление правящей элиты, попытки реанимировать раздаток с помощью либо репрессий (меры Ю. Андропова), либо послаблений («социализм с человеческим лицом» М. Горбачева). Тот рынок, который объективно необходим, но который не впускают через парадные двери, приходит через черный ход. В кризисном раздатке теневая экономика выполняет роль рыночного компенсатора, необходимого и отрицаемого одновременно.

Что дает теневая экономика умирающему раздатку? Довольно многое. Обратимся к недавней истории планового хозяйства как третьего цикла раздаточной экономики. Теневая экономика гасила товарный дефицит, и это было великое благо для системы. Дефицит в СССР был темой анекдотов, но власти прекрасно понимали, какое отчаяние скрывает подобный юмор: товарный дефицит изматывал людей и мог подтолкнуть к протестным действиям. Теневики смягчали дефицит, производя вне плана, в подпольном режиме дефицитные товары и услуги. Этим занимались так называемые цеховики. Помимо них активными субъектами теневой экономики были спекулянты, которые не производили товар, но создавали возможности его рыночной реализации, т.е. банально скупали в одном месте по государственной цене и продавали в другом по рыночной, превращая ценники, определяемые логикой раздатка, в полновесные цены как баланс спроса и предложения.

Конечно, товары на теневом рынке стоили недешево. И в этих высоких ценах заключалось важнейшее благо для раздатка. Теневиков, особенно спекулянтов, не любили по чисто житейской привычке завидовать богатым. А значит, обличительные речи в их адрес вызывали живой отклик в массах, что выглядело как лояльность идеологии. Кроме того, высокие цены снижали инфляционный потенциал советской экономики. Наконец, цеховики и спекулянты втягивали в свои ряды активных и рыночно мыслящих людей, переводя потенциал протеста в энергию действия. Ввиду этих обстоятельств цеховиков и спекулянтов порицали, но на деле борьба с ними шла фрагментарно и довольно

вяло. Были шумевшие «расстрельные» дела, но, скорее, как показательная черта, за которую теневой экономике не следовало заступать.

Однако значительная часть теневого оборота не была связана с индивидуальным обогащением предприимчивых людей. Предприятия практиковали теневые схемы как способ выполнения плана. Например, покупали, продавали и обменивали сырье и оборудование на черном рынке; делали подношения чиновникам для корректировки плана сдачи; закрывали глаза на теневые практики работников (от воровства продукции до использования рабочего времени в личных целях), чтобы удержать их на предприятии. Так теневой рынок подставлял «плечо» раздатку.

Показательна жилищная практика на излете социализма. Квартиры были объектами раздач, т.е., будучи государственными или ведомственными, раздавались сообразно «чину». Не имея возможности приватизировать жилье, население освоило обмены с доплатами, когда при обмене на большую квартиру или квартиру в лучшем районе нужно было доплатить некоторую сумму. Размер доплаты являлся предметом торга и соответствовал опыту предыдущих аналогичных сделок, т.е. имел рыночную природу. Доплаты нигде формально не фиксировались, выступая теневой стороной сделки. Такие обмены приводили жилищные условия в соответствие с платежеспособностью семьи⁵. Функциональная полезность доплат была очевидной, поэтому власти не чинили препятствий, закрывая глаза на рыночную коррективу раздаточной жилищной политики.

Теневая экономика на излете раздатка была идейным врагом, оказывающим бесценную помощь. Она придавала гибкость системе, пережившей свое время и нуждающейся в обновлении.

Удивления по поводу того, как быстро и масштабно расцвела «тьма» в переходный период рыночного торжества, мы не разделяем. Именно на стадии разложения раздатка сформировался «административный рынок» как нелегальный механизм сращивания интересов чиновников и руководителей предприятий⁶. Административный рынок, придающий раздатку гибкость, трансформировался в теневое партнерство чиновников и предпринимателей — главную характеристику переходной экономики.

⁵ Бессонова О. Жилищный раздаток и модернизация России. М.: РОССПЭН, 2011.

⁶ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

* * *

Расставаться с иллюзиями всегда больно. Комфортнее жить с искренней верой в победу рынка и ругать власть за отклонение от этого курса. Бессонова уверяет, что мы стоим на пороге четвертого раздаточного цикла, образ которого нам пока неведом, потому что каждый цикл был отрицанием формальных правил предыдущего. Но в этом неведомом будущем сохранятся сдачи-раздачи как альтернативный рынку способ координации экономической деятельности, а также общественно-служебная собственность, легитимизируемая национальной идеей служения общему благу.

Всякая крупная теория дает простор для анализа частных вопросов. Благодаря этой теории появляется возможность увидеть *циклический характер теневой экономики*, которая не просто растет или сокращается, но меняет природу и функции в соответствии с фазами раздаточного цикла. Теневая экономика, имеющая рыночную природу, живет в противофазе с раздатком. В переходные периоды, когда один раздаточный порядок завершился, а другой еще не определился, теневая экономика достигает своего максимума, конвертируя остатки раздатка в рыночные возможности. Подъем раздатка означает спад «тени» с характерной интенцией спасти от национализации рыночные активы. Стабильное функционирование раздатка обрушивает теневую экономику, равно как и рынок в целом, поскольку эффективность раздаточного способа координации экономической деятельности достигает своего максимума, наиболее полного соответствия с условиями среды и потребностями людей. Но кризис системы вновь делает необходимой помощь рынка, который приходит преимущественно в теневом обличье, ибо раздаток и рынок — конкурирующие способы координации экономической деятельности, и даже умирающий раздаток сопротивляется рынку.

В новый переходный период появляется надежда победить теневую экономику, легализовав «тень» вчерашнего раздатка, связанную с отрицанием или жестким дозированием частного предпринимательства. Цеховики и спекулянты легализованы и реабилитированы, более того, амнистированы их капиталы как финансовое обеспечение приватизации. Но параллельно закладывается модель новой теневой экономики. Ее суть составляют теневые схемы перевода наследия раздатка в рыночные прибыли. Разнообразные формы сращивания власти и бизнеса, передача собственности «своим» свидетельствуют не о провале рыночных реформ, а о жизнеспособности раздатка, проявляющегося

в государственно-чиновническом предпринимательстве, внешне оформленном как победа рынка.

Потрясающе интересны в этом смысле исследования, посвященные нэпу. В 1927 г. вышла книга Ю. Ларина «Частный капитал в СССР» (под этим псевдонимом работал М. Лурье, тесть Н. Бухарина)⁷, где систематизированы материалы судебных процессов над нэпманами. Само название одной из глав «Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» не оставляет сомнений: чиновники проходили по этим судебным делам не как свидетели, а как обвиняемые. Что же касается частных предпринимателей, которых судили в 1924-1926 гг., то из них 90% до 1921 г. состояли на государственной службе. Оказывается, представители госаппарата при нэпе создавали фирмы на имя родственников, обеспечивали льготные цены для патронируемых фирм, перекачивали в частные фирмы курируемые ими ресурсы и проч. Все описанные схемы «соучастия» до удивления точно воспроизвелись в 1990-е годы. Это подтверждает правоту Бессоновой, пишущей о «квазирынке»: «Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании и фирмы в массе своей не вырабатывают рыночно-ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией»⁸.

Точный, на наш взгляд, диагноз прошлого внушает доверие к прогнозу будущего, которое видится Ольге Бессоновой как синтез раздатка и рынка в виде «либерального раздатка», чьи контуры пока весьма размыты, но название внушает оптимизм. Свобода в принятии хозяйственных решений должна сочетаться с государственной оптимизацией доступа к ресурсам, с разнообразными формами государственно-частного партнерства. Возвышающий либерализм превращает хождение по кругу в движение по спирали.

⁷ Книга до недавнего времени хранилась в спецхране. Теперь она имеет электронный вариант издания и размещена на множестве сайтов; см., например: <http://lib.rus.ec>.

⁸ Бессонова О. Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8.